

НАРОДНЫЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ МОЛИТВЫ ИЗ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА

С 1999 г. сотрудники Лаборатории культурной и визуальной антропологии (ЛКиВА) Пермского государственного национального исследовательского университета систематически осуществляют полевые исследования на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Особое внимание уделяется изучению почитаемых ландшафтных объектов (священных камней, водных источников, заветных деревьев), престольных праздников, традиционных магико-медицинских практик, а также похоронно-поминальной обрядности коми-пермяков. К настоящему времени в фондах ЛКиВА собран обширный материал, включающий записи религиозного фольклора (духовных стихов, причитаний, апокрифических поминальных молитв), бытующего в Коми-Пермяцком округе на русском языке. Одним из наиболее ценных в научном отношении жанров представляются народные молитвы, по всей видимости первоначально связанные с поминанием умерших без покаяния покойников.

Обряды поминального цикла, зафиксированные в ходе экспедиций и представляющие естественный контекст бытования народных молитв, представлены в антропологических фильмах руководителя ЛКиВА Е.М. Четинной «Чер-эшлан — говорящий топор» (2002 г.), «Ты прости-ко, прощай» (2004 г.), «Всемирный Семик» (2007 г.). В научный оборот введены и отдельные молитвенные тексты — как правило, привлекаемые в качестве иллюстративного материала при описании актуальных коми-пермяцких обрядовых практик¹. Однако, по-видимому, целостное представление о локальной традиции исполнения народных поминальных молитв (далее — НПМ) может дать лишь полный массив зафиксированных текстов². Такого рода подборка предложена в настоящей публикации; все записи сделаны сотрудниками ЛКиВА в северных районах Коми-Пермяцкого округа в 2000—2011 гг. (в экспедиции 2011 г. в Косинском р-не также приняла участие фольклорист Т.Г. Голева). Как удалось установить, приведенные НПМ опосредованно восходят к «Молитве о всех православных христианах» Кирилла Иерусалимского (IV в.), которая была переведена на церковнославянский язык в XV в. и получила развитие в древнерусской монастырской книжности (в составе Синодиков-помянников)³.

Практически все тексты зафиксированы на территории Косинского

(№ 1—5) и Кочёвского (№ 6—13) р-нов; текст № 14 записан в Гайнском р-не, но от уроженки Кочёвского р-на, которая переняла молитву от своей землячки. Таким образом, предварительно можно говорить о косинско-кочёвском ареале бытования НПМ (его северная и южная границы нуждаются в уточнении⁴). На обследованной территории выделяется несколько «очагов» наиболее интенсивного бытования этого жанра. Два из них находятся в Косинском р-не: один включает с. Пуксиб с близлежащей деревней Войвыл, другой составляют деревни Чазёво и Бачманово с окрестными населенными пунктами; в обоих случаях функционирование НПМ поддерживается коллективными поминальными практиками на почитаемых «могильниках» (Шойнаыб⁵ и Важ-Чадзёв соответственно). В Кочёвском р-не НПМ бытуют в с. Юксеево и его окрестностях; также можно выделить особый микроареал бытования традиции, центр которого составляют с. Большая Коча и д. Борино (здесь находится одно из наиболее почитаемых старых кладбищ — Мокинский могильник⁶). НПМ известны и жителям окрестных населенных пунктов; в частности, тексты, сходные с боринскими и кочинскими молитвами, записаны в деревнях Отопково, Пельым, Сеполь.

Одну из наиболее примечательных черт НПМ составляет упоминание в них *важ отир* 'старых людей' — обычно легендарных первопоселенцев, погребенных, согласно устной традиции, на почитаемых кладбищах (их имена или обобщенные наименования встречаются в 8 текстах из 14). Как правило, выявить такие номинации удается путем дополнительных распросов местных старожиллов — участников поминальных молебнов. Вокруг каждого из «могильников», представляющих собой значимые объекты местного сакрального ландшафта, функционирует особый пласт сказочной прозы. Так, «могильное поле» Шойнаыб в д. Войвыл считается местом гибели множества солдат («войска»): «Там война, говорят, была. Там видели эти мечи и шашки. А это, Пантелеймон-то у них, говорят, был старший. <...> Там Санополит, Митрополит, Антрополит, Пантелеймон... Видимо, они старшие или что ли у них. Они там погибли. <...> Вот этих поминают» [1; 2011 г.]; «Там стоял какое-то войско. Это мне мама говорила... Или она от давних тоже слышала? <...> И войско это заболело брюшным тифом. И тут, на Шой-

Мария Еремеевна Салтанова, 1924 г.р., д. Чазёво Косинского р-на. Фото В. Баженова. 2001 г.

Ирина Александровна Голева, 1928 г.р., с. Пуксиб Косинского р-на. Фото И.Ю. Роготнева. 2011 г.

наыб, их похоронили. <...> [А почему называли их "митрополиты"?] А Митрополит что, разве это не старое имя?» [2; 2011 г.]. Митрополит (Митрий Полит) и другие погибшие в Войвыле упоминаются в текстах № 1, 1а, 2, 12. Чаще

в преданиях фигурируют местные пер-вопоселенцы; истории о них обычно контаминируются с сюжетом о «самопогребении» чуди. О «первых людях», похороненных на Мокинском могильнике, рассказывают: «Мокей и Борис, у них жены были Ульяна и Пелагия. Это первые люди тут. Самые первые. За них надо, но, это [молиться]. Они когда-то сами копали яму, на столбах делали... У них дети, говорят, не были, и они сами себя там похоронили, вот и всё» [3; 2011 г.]. Мокинские «старые люди» упоминаются в молитвах № 4 и 5, имена этих первопоселенцев распознаются и в других текстах (№ 6, 9, 13)⁷.

Хорошим знатоком локальной фольклорной традиции, связанной с местом Важ-Чадзёв, была Мария Еремеевна Салтанова, 1924 г.р., жительница д. Чазёво. Беседы с ней велись в 2000—2004 гг.; в результате был записан корпус текстов, дающих представление о функционировании важ-чазёвского могильника как сакрального объекта, а также о других почитаемых в прошлом могильниках (пеклаыбский Шойнаыб, Нюрмэдор), которые со временем перешли в разряд «страшных» мест⁸. Глубокая погруженность информантки в традицию обусловлена, по-видимому, тем, что на момент нашего знакомства с М.Е. Салтановой она была практикующей «знающей» и, помимо прочего, осуществляла обряд *черешлан*. Как известно, это коми-пермяцкое гадание на подвешенном топоре или медной иконке производится с целью узнать имя христианского святого, умершего родственника или *важ отир*, которые наслали на человека *мыжу* — внезапную болезнь⁹; излечить ее можно лишь через участие в соответствующих престольных молебнах или поминальных обрядах (в том числе коллективных — на почитаемых могильниках)¹⁰.

Как следует из полевых материалов, сфера применения НПМ несколько шире, чем коллективные или частные (семейные) молебны на кладбище в календарные поминальные дни. Их могут произносить и на домашних поминках (на 3-й, 9-й, 40-й дни, «годинь», «память»). Приведенные НПМ бытуют в двух формах — устной (№ 1—5, 8, 9, 14) и письменной (№ 6, 7, 10—13). В тетрадях текст записан либо линейно (№ 6, 7, 9, 12, 13), либо «в столбик», т.е. имеет форму стиха (№ 10, 11). Молитва № 6, возможно, является результатом контаминации двух или более текстов, возникшей в процессе его переписывания друг у друга пожилыми женщинами.

Особый интерес представляют молитвы, которые удалось зафиксировать с вариантами. Тексты № 1 и 1а были

записаны от одного информанта с промежутком в 11 лет, при этом второй вариант молитвы существенно короче первого, что, по всей видимости, связано с особенностями бытования НПМ: их композиция, в основе которой лежит открытый перечислительный ряд, допускает возможность «сворачивания» и «разворачивания» элементов текста. Об этом же свидетельствуют тексты № 2 и 2а, записанные от одной носительницы традиции с промежутком в несколько дней. Примечательно, что развернутые варианты молитвы (№ 1, 2) были получены в ходе интервью, тогда как в ситуации реального поминального обряда информанты произносили значительно более короткие тексты (№ 1а, 2а). О том, что исполнение НПМ допускает определенную степень импровизации, свидетельствуют включенные в подборку фрагменты интервью (№ 3, 8).

Узнаваемый фрагмент русскоязычного молитвенного текста был зафиксирован у коми-пермяков еще в XIX в.¹¹ Мы полагаем, однако, что обнаруженные в Коми-Пермяцком округе НПМ представляют собой восточнославянскую народно-православную традицию, сохранившуюся в иноэтничном окружении. Более или менее близкие параллели к ним можно найти в этнографических источниках XIX в. Так, сходный духовный стих, по сути напоминающий молитву, был известен крестьянам Кадниковского уезда Вологодской губ.¹² Развернутые поминальные молитвенные стихи, содержащие близкий перечень номинаций (умерших «не своей смертью»), бытовали в зоне русско-белорусских контактов; они представлены в собраниях В. Варенцова, П.В. Шейна¹³. Коми-пермяцкие записи отличает перечисление местнопочитаемых «старых людей», что связано со спецификой локальной традиции и может быть объяснено адаптацией русскоязычных текстов к местным обрядовым практикам¹⁴.

Тексты

1. Господи Иисусе Христе, Сыне Божие, молитвами. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь [3 раза]. Помяни, Господи, первых людей: Евгия Адама, Пётра Павла, Кузьма Заклюшника, Осипа Задверника, царя Давида, царя священника, митрополиты, архимандриты, [нрзб.] Иона. Три тысячи младенцев, три тысячи младенцев, три тысячи младенцев. Мать сыра земля, открывайте ворота лево и направо, отпускайте всех моих сродников, всех моих родителей, всех моих родственников. Помяни, Господи, военных солдат, на поле пропавших, честных и праведных, топором отчужденных, ножом отрезанных, землей

задавленных, ружьём застреленных, воду утоплявшихся, без вести пропавшихся, Иван Батальонк. Помяни, Господи, все мои родители, все мои родственники, сыс-тари дедушки, сыс-тари бабушки, знавшие и не знавшие, в воду утоплявшиеся, в огне загоревшиеся, в лесу заблудящиеся, бездетные благодетели и добродетели, плодные и бесплодные, близкие и дальние, петлей висевшиеся, на дороге пропавшиеся, водой умывавшиеся. Вологодская Богородица, Варвара Мученица, идите, помяните, что у меня есть на столе [4; 2000].

1а. Помяни, Господи, первых людей, Еву и Адама, Пётра Павла, Козьму Заклюшника, Осипа Задверника, царя Давида, царя священника, митрополиты, архимандриты, [нрзб.], сорок тысяч младенцев, сорок тысяч младенцев. Мать сыра земля Варвара, открывайте ворота налево и направо, отпускайте всех моих сродников, знающих и незнающих, близких и дальних, все стары дедушки, все стары бабушки. [нрзб.] на мои могилы [4; 2011]¹⁵.

2. «Помяни, Господи, усопших раб твоих, родителей моих, родственников, начальников, благодателей и всех православных хрестьян. Простимся, согрешенья вольная и невольная, даруем царствие небесное. Осип Ключник, Григорий Задверник, отворяйте двери Евы и Адама. Митрополит, Санополит, Онтрополит, Пантелеймон, надежда мать сыра земля, царь Константин, царица Елена, отворяйте ворота лево-направо, отпустите всех младенцев, всех родственников, родственниц, нищих и ящих, в лесу заблудящих, топором рубящих, ружьём стреляющих, в воде утонувших, в огне горящих, в петле висевших, знающие и незнающие, плодники и бесплодники, верующие, неверующие. Помяни, Господи, на войне убитых, в плен попавших, бездетные, вдовы, беспризорные, старолежашие повсюду, старые дедушки, старые бабушки». И вот помянем: Чач, Бач, Юкси, Пүкси [1; 2011 г.].

2а. Помяни, Господи, на войне убитых, в плен попавших, бездетные, вдовы, беспризорные, старолежашие повсюду [нрзб.; возможно, по-коми-перм.] [1; 2011 г.]¹⁶.

3. Она [мама] так читала. Встанет, побелит печку и начнёт: «Помяни, Господи, всех святых, Ноя справедливого со всей семьёйством...» Я так только... Вспоминаю когда — читаю... «всех сродственников по плоти, старые дедушки, старые бабушки, знающих и незнающих», вот, потом читаю новых — все имена перечислю... вот, от своего рода, от мужа рода. А потом опять говорю: «знающих и незнающих. Помяни, Господи, всех святых, в лесу заблудавшихся, в воду утонувшихся, на войне убитые, военнопленные». Вот так читаю... Да много что читаю, но не могу, не могу рассказать сейчас [2; 2011 г.].

4. Помяни, Господи, все святые: Давыда да Данила, [нрзб.], отпустите, грешники, праведных, помяните Господа православных крестьян, крестопобивые воинства всех погибших: дорожники, военнопленные, нищие, жадущие, все заблудившие, утопяющие, суседы, братья, сестры, старые, девицы, Чадзь, Бадзь, Юксь, Пуксь, мюкинские, шойнабыские, нюрмэдорские [5; 2002 г.]¹⁷.

5. Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи бессмертный, помилуй нас! [3 раза]. Вспомяни, Господи, всех святых: Давида, Исака, Данила, Якова, Давыда-переводчика [перевозчика?], Ивана Крестителя, Елизавету, Захария, Чадзь, Бадзь, Юкси, Пукси, шойнабыские, мюкинские, нюрмэдорские, водоутопяющие, лесозаблуждающие, ножники, топорники, военнопленные, военнубитые, монахи, монашки, беспризорники, сироты и младенцы [6; 2002].

6. Помяни Господи душу усобших раб твой Ева и Адама, суки чачи бачи, военные, пленные, царь Канстатин, царица Мария, у Марии [нрзб. — Лукерья?], Иван Креститель, Иван Бутыжник, Иван Замочник, Осипа да заклочник. Берите семьдесят семь ключей, открывайте семьдесят замков, открывайте семьдесят семь дверей отпускайте наших родителей. Аминь.

Помяните Господи Царь и Царицы Первый праведник Боря и Ева и Адама [со] своими детьми Аниты и Политы. Помяните на рыбном пироге, кисель, печень, сусло, брага, блинами.

Помяните ближние и дальние на войне убивающие, оружием стреляющие, в лесу заблуждающие, воде утопяющие, на дороге умирающие, ножом убивающие, вольные не вольные, всех родителей, сродников, благодателей, всех православных христиан дарует им Царствие небесное [7; тетрадь].

7. Почи и почица [?] Кузьма и Данил Ева и Адама царские поколена попами и дяками, всеми священниками. Иван Бутыжник, Иосифа ключники, Никита замочник. Пустите прав. дедушек, прав. бабушек, всех честных родителей, всех честных праведных, всех заморящих, ножом резающих топором рубящих, на дороге умирающие, на войне убивающие, воде утопяющие, под машину попавшие, в лесу заблуждающих, бездетных, старых дедушек и бабушек. Аминь [7; тетрадь].

8. «Помяни, Господи, Адама, Еву и усопших». «...» Когда свечку зажжешь, поклоню будешь ставить. На поминках. «...» А Юкся, Пукся — там ведь опять юкеевские, здесь нет [не поминуют]. «В войну убивающие, в воде утопающие, в огне горевшие», — вот всё это тоже скажут. «...» Всех называем. «Ножом резавшие, топором [нрзб. — коловшие?], на дороге умирающие, все в огне сгоревшие, вольные и невольные». А заканчивается «вечная память» [7; 2011 г.].

9. Помяни, Господи, Ева и Адама, Мокá и Бориса, Улита и Полита, Кузьма, Кач, Бач, Портóг и Домна, сучковских, бачковских, всех попов, всех дяков, всех серебрянников, на море островщиков, пустынщиков, убивающих, в лесу заблуждающих, зверями растерзанных, ножом порезанных, пострелянных, самоубийцы, отравляющихся, задавлиющихся, в омраченных ума, парализованных, лихорадочных, [в] больнице умирающих, [с] голоду умирающих, бездетных, беспризорных, сироты и вдовицы, кормящих и поющих, подающих милостины и всех православных христиан, безбожных, коммунистов, ключники-замочники, царя Давыта, Ивана Батожника, отворяйте ворота, отпустите наших родителей на честный, на праведный обед [8; 2011]¹⁸.

10. Помяни, Господи — Царство небесное, / Покойное место / Ева и Адама отворяйте / Двенадцать замков / Золотыми ключами. / Отпустите всех, наших / Родственников и родных [9; тетрадь]¹⁹.

11. За упокой / Дарья, Екатерина, Дарья [Царя?] Давида / Ивана, Божника, Осипа / Дворника Якова Батожника / Советчика Ева и Адам / Три тысячи дверей, замки, / три окна отпирайтесь, / отпускайте наших родителей / сродников всех души усобших рабов / Аминь [10; тетрадь].

12. Помяни Господи / Ева и Адама, Лука, Марка, Митрия Полита, Мара, Кузьма, Каг [Кач?], Баг [Бач?], Парток Домна, Афонасия, Сидора, Кучковских Балкановских, всех попов, дяков всех серебрянников, 11ъ священников 40 мучеников, островщиков, пустынников. На войне убивающих в госпитале умирающих, в больнице умирающих, в тюрьме сидящих, на дороге умирающих, дверями растерзающих, ножом порезанных, топором порубленных самоубийцев, задавливающих, отравляющих, в огне горящих, омраченных ума, в воде утопяющих, парализованных кормящих, поющих и всех добродителей православных христиан, всех родителей соседок, знакомых, нищих, забывающих по имени.

Ключики, замочки Ивана Батожника отпирайте ворота, отпускайте наших родителей, честных и правдивых На честный обед. Помяни Господи / Всех родителей [10; тетрадь].

13. Помяни Господи, / Еву да Адама, Улита и Полита, Мака и Бориса, Царя и Давида, сирот и девиц, Монашество, на воде утонувших, в лесу заблудших, на войне убитых, голодной смертью умирающих, беспризорных и бездетных, ключника и древника [дверника?], Иоанна и Бого-слова, Иосифа Батожника, священников Ивана, Тимофея, Аникия, Послушным Анна.

За упокой **оптинские старцы**. Иларнон, Исаакий, Амвросий, Леонид, Макарий, Моисей, Варсонофий, Анатолий, Иосиф, Ни-

кон. Анатолий, Нектарий, Архимандрит, Тимофей, Иоан, Николай, Петр, Виктор. 4 тысяч младенцев, убитых за Христа, 40 тысяч мучеников пострадавших за Христа. / Усопших родителей [11; тетрадь].

14. Потом человек, старший, допустим, кто в семье, читает молитву перед Богом. Ну, вот у меня, допустим, три иконы: Отец, Сын и Святой Дух, я молось и говорю: «Помяни, Господи, Анну Петровну», — приглашаю как к столу её. Потом говорю: «Помяни, Господи, в лесу блуждающих, помяни, Господи, ружьём пострелявших, помяни, Господи, ножом порезавших, помяни, Господи, тысячу младенцев...» И потом перечисляю того, кто меня, как это... обидел, чтобы его помянуть. Больше я ничего не знаю, может, больше где-то есть, в молитвенниках [12; 2003 г.].

Примечания

¹ См., к примеру: Жуланова Н.И. Поминание «старьё» у коми-пермяков // Религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Ю. Данченкова. М., 2003. С. 149—172; Чугаева С.В. Важ важез касьтыльом — поминание предков на культовых местах коми-пермяков // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2008. С. 260—271; Четина Е.М. Пасха и Плэшка: весенняя обрядность северных коми-пермяков // Временник Zubовского института. Вып. 3: Пасха: Многообразие культурных традиций / Ред.-сост. В.В. Виноградов. СПб., 2009. С. 92—98; Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь, 2010; Королёва С.Ю. Представления о мылке в народных поминальных молитвах, нескажочной прозе и обрядовой практике коми-пермяков (опыт системного описания) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4. С. 194—203.

² Более широкий материал позволяет также поставить вопрос о жанровой поэтике НПМ; см.: Королёва С.Ю., Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Народные поминальные молитвы: жанровая поэтика и специфика бытования // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2. С. 93—102.

³ См. об этом: Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 6. М., 2011. С. 25—33, 52—55 и др.

⁴ В этнографической литературе представлена единичная запись НПМ, сделанная на территории Юрлинского р-на Коми-Пермяцкого округа, населенного русскими; см.: Бахматов А.А. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г. Голе-

ва, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь, 2008. С. 109.

⁵ Существует свидетельство, что коллективные поминки на Шойнаыбе осуществлялись коми-пермяками уже в начале XX в.: «Здесь при рытье дорожных канав в 1908 г. жителями были открыты кости людей и найдены некоторые чудские изделия. Это открытие могильника повело к установлению поминального дня погребенных здесь людей. Женщины-пермячки, не зная имен умерших, при чтении молитв поминают так: "Помяни старых дедушек и бабушек". Духовенство тоже было вынуждено являться сюда для поминовения и молиться об усопшей чуди»; см.: *Кривошецов И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 301—302.

⁶ Подробнее о почитаемых местах Важ-Чадзёв и Важ-Мокин (Мокинский могильник) см.: *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль (Проблема семантики). М., 1975. С. 104—105; *Климов В.В., Чагин Г.Н.* Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005. С. 155—161; *Четина Е.М., Роготнев И.Ю.* Символические реальности Пармы... С. 40—41.

⁷ Помимо местнопочитаемых «старых людей», в молитвах подробно перечисляются погибшие неестественной смертью; они названы в 12 текстах из 14, что свидетельствует об особой значимости этой группы для данной жанровой разновидности НПМ.

⁸ Подробнее об этом см.: *Королёва С.Ю.* «Знающий» в современной коми-пермяцкой деревне // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 6. М., 2004. С. 81—91.

⁹ Краткий обзор этнографических источников см. в: *Мальцев Г.И.* Народная медицина коми-пермяков конца XIX — начала XX вв. (Историко-этнографический аспект). Кудымкар, 2004. С. 59—65, 116—118. О современных вариантах обряда: *Градусова О.В.* «Вешание топора» в магической практике коми-пермяков // Этническая культура и современная школа: Материалы обл. науч.-практ. конф. (г. Кудымкар, 2003 г.). Вып. 1. Пермь, 2004. С. 206—214.

¹⁰ О связи НПМ с обрядом *черешлан* подробнее см.: *Королёва С.Ю.* Представления о мьбе в народных поминальных молитвах... С. 194—203.

¹¹ «В Чердынском уезде приглашаются вместе с поминаемым усопшим "кдюшники, ларешники, дедушки, бабушки, души безродных, в лесу заблудшие, в воле утопшие"; см.: *Смирнов И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 9. Вып. 2. Казань, 1891. С. 244.

¹² Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX в. / Отв. ред. И.В. Власова. М., 2004. С. 692.

¹³ *Вареницов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 211—212; *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2. С. 665—669, 671—673.

¹⁴ Подробнее о восточнославянских типологических параллелях к коми-пермяцким записям см.: *Королёва С.Ю.* Русскоязычные апокрифические молитвы в традиционной культуре коми-пермяков (о генезисе и некоторых типологических параллелях) // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. Вып. 16: Лингвокультурная ситуация и билингвизм в Пермском крае: материалы Регион. междисциплинар. совещания / Отв. ред. Е.В. Ерофеева. Пермь, 2012. С. 88—102.

¹⁵ Записано во время поминального молебна на Прокопьев день (21 июля).

¹⁶ Записано во время поминального молебна на Прокопьев день.

¹⁷ Записано после поминального молебна в Троишкую субботу в д. Чазёво.

¹⁸ Записано после поминального молебна в Троишкую субботу в д. Борино.

¹⁹ В данном населенном пункте этот текст зафиксирован также в тетради другого информанта, но поскольку отличия касаются лишь знаков препинания, мы приводим один вариант.

Список информантов

1. А.Е. Батуева, 1931 г.р., с. Пуксиб, Кос.
2. Н.П. Федосеева, 1940 г.р., д. Войвил, Кос.
3. М.Я. Хомякова, д. Борино, Коч.
4. И.А. Голева, 1928 г.р., с. Пуксиб, Кос.
5. К.Е. Батуева, 1927 г.р., д. Чазёво, Кос.
6. М.Е. Салтанова, 1924 г.р., д. Чазёво, Кос.
7. Е.А. Рискова, 1940 г.р., с. Б. Коча, Коч.
8. Т.В. Гагарина, 1935 г.р., урож. д. Борино, Коч.; живет в д. Большой Пальник, Коч.
9. В.С. Балуева, 1941 г.р., д. Отопково, Коч.
10. Е.Ф. Петрова, 1941 г.р., д. Пельм, Коч.
11. М.Г. Вавилина, 1940 г.р., д. Сеполь, Коч.
12. Л.С. Осипова, 1957 г.р., урож. Кочёвского р-на, живет в д. Чажегово Гайнского р-на.

Сокращения

Кос. — Косинский р-н; Коч. — Кочёвский р-н

С.Ю. КОРОЛЁВА, канд. филол. наук;
Е.М. ЧЕТИНА, канд. филол. наук;
И.Ю. РОГОТНЕВ, канд. филол. наук;
Пермский гос. нац. исследовательский ун-т

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ ИЗ СЕЛА НОВОАЛЕКСАНДРОВСКОЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В 2011 г. во время экспедиции в Суздальский р-н Владимирской обл. мы познакомились с Марией Петровной Хариной, 1932 г.р. (с. Новоалександровское). Мария Петровна родилась в Горьковской обл. (Вознесенский р-н, д. Починки), в возрасте 15 лет переехала в Пермскую обл., где вышла замуж за коми-пермяка, и прожила там с 1947 по 1969 г.; потом переехала сначала в Горьковскую, а затем во Владимирскую обл. Благодаря такому миграционному опыту Мария Петровна в разговоре с нами проводила широкое сопоставление этнографических фактов, в особенности похоронных обрядов (уже несколько десятилетий она помогает на похоронах: обмывает, исполняет похоронные духовные стихи, поет во время церковного отпевания, инструктирует родственников умершего). Кроме того, много лет Мария Петровна занимается заговорной и знахарской практикой; знает множество примет. Но особенно ценными из нашего пятичасового интервью нам представляются несколько эсхатологических сюжетов, по поводу которых информантка активно рефлексировала и которые соотносила с прошлым и с настоящим. Эти рассказы мы и предлагаем вниманию читателей.

«Преставление»

Мы же в моей-то жизни — ни самолётов, ни тракторов, ни машин не видели. Я поехала в Навашино, там родные у нас жили. Поехала. <...> Поезд идёт, а я бягом бежать от поезда, думала, что он меня задавит. Док он по рейсам идёт! Ничего не видели. Тогда-то в поле жали, а самолёт летел, дак мы все попрытались, снопами укрылись. Этот был, летел кукурузник, а он ведь как шумит! Все, кто были на поле, попрытались — ни одной души нет. Пролетел этот самолёт, все вылазиют, как сычи. Что это такое? Преставление. Самолёт пролетел. То не видели-то. При моей-то жизни, я всего-то 80 лет, восьмой десяток живу, восьмой десятый год. А трактор-то этот приехал, так все за ним, и дети-то бежим, у, страсть-то Божия!

Две войны

Когда-то упокойник мамин брат до войны ж читал это-то... Евангелие — или Библию... — Библию, наверное. Вот он читал — вот я слышала. Вот будут, говорит, летать по небу железные птицы.